

Л.И. НОВИКОВА,
И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Антиномия личности и общества

(Антропософский опыт Н. Бердяева)

Общество само по себе не может сделать человека свободным, человек должен сделать свободным общество.

И. Бердяев

Человек и его назначение - центральная проблема творчества Н. Бердяева. "Человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка. Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность. Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, откуда он пришел и куда он идет" [1].

В поисках ответа на эти вопросы Бердяев прошел *свой* путь философских исканий от Маркса и Канта к классическому богословию, от Николая Кузанского и Паскаля к немецким мистикам, от К. Леонтьева и Вл. Соловьева к Шопенгауэру и Ницше, от Фрейда и Юнга к Хайдеггеру и Ясперсу. Но, как признавал сам мыслитель, на формирование его мировоззрения гораздо большее влияние оказали художественная литература (Л. Толстой, Ф. Достоевский, Г. Ибсен) и немецкий религиозный мистицизм. Среди многих цитируемых им представителей последнего Бердяев явное предпочтение отдавал Я. Бёме. В ходе этих исканий и сложился антропологизм, а точнее, *антропоцентризм* бердяевской философии, исходной идеей которого была идея человеческой свободы. Она как лейтмотив приходит через все труды мыслителя. "Меня называют философом свободы, - писал он о себе. - ...Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ" [2].

Это не преувеличение. Для Бердяева свобода - основа мироздания и ключ к объяснению природы человека. В свободе скрыта не только тайна мира, но и тайна человеческого существования, с ней связано его предназначение, ибо свобода лежит в основе замысла Божьего о мире и человеке. В иерархии человеческих ценностей свобода как свобода духа, совести, мысли и творчества безусловна и абсолютна.

В развитии антропологических идей мыслителя можно выделить четыре основных направления: 1) обоснование абсолютной свободы человека как условия его существования и творчества; 2) разработка метафизики на основе истолкования религиозно-

Новикова Лидия Ивановна - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Сиземская Ирина Николаевна - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник того же института.

мистических интуиций относительно положения человека в мире и его отношений с Богом; 3) обоснование антиномии личности и общества: 4) построение историко-философской эсхатологии. Все эти направления сфокусированы на человеке, что и позволяет говорить о философской антропологии Бердяева как об антропоцентризме.

Антропоцентризм Бердяева вытекает из его центральной экзистенциальной установки: первично не сознание, не субъект, противостоящий бытию, и не объективное бытие, а целостный человек, сознающий себя *"абсолютным центром... всего бытия, всех планов бытия, всех миров"* [3]. Духовное начало в человеке имеет трансцендентное, т.е. превышающее его природные данные, основание. Сознание и самосознание не просто психологические феномены. Они - нечто большее. Они связаны с Духом, который есть действие "сверхсознания в сознании", что и определяет особое положение человека в мире. "Духу принадлежит примат над бытием", и "человек есть манифестация духа" [4].

В качестве основного источника философских построений Бердяев использует христианскую мифологию о сотворении мира, видя в ней символическое выражение подлинной теогонии мира, тайну которой он стремится разгадать и представить в своем варианте христианского экзистенциализма.

Основной вопрос философии Бердяева - вопрос об основании сотворенного Богом мира. Ответы ортодоксального богословия не устраивали его. "Меня беспокоила и интересовала более всего тема, как из небытия возникает бытие, как не существовавшее становится существующим. Переход из небытия в бытие не может быть объяснен из уже детерминированного бытия. Но это и есть тема о свободе" [2, с. 200]. Выбор темы, таким образом, обращал к проблеме свободы, которая в контексте бердяевских построений выражена в символическом описании духовного опыта. Бердяев разрабатывает идею "безосновности" мира и свободы человека. Сотворению мира предшествует Божественное ничто, бездна, из которой в вечности рождается Святая Троица - Бог-Отец, Бог-Сын и Дух Святой. Из бездны - с ее молчаливого согласия - Бог-Творец создает мир; акт творения мира является вторичным. Поскольку и по сотворении мира бездна сосуществует с Богом, постольку творение остается незавершенным. Здесь и кроется тайна свободы человека, его предназначение к сотворчеству с Богом.

Таким образом, свобода первична, она не укоренена ни в бытии, ни в божественной благодати. Источником свободы является ничто, т.е. тот предвечный строительный материал, из которого Бог сотворил мир и его средоточие - человека. Человек, следовательно, есть не только результат божественного творения, но и дитя свободы. Он изначально существует в замысле Бога. А это значит, что божественность изначально присуща человечеству. Бердяев убежден, что самой гениальной идеей Бога была идея человека, а самой гениальной идеей человека - Бог. Тождество этих идей находит выражение в идее Богочеловечества. Вслед за Вл. Соловьевым Бердяев исходит из того, что Бог и человек возникли одновременно, и встреча их произошла на духовном поприще, средоточием которого изначально был человек [5]. Бездна, которая не исчезает после возникновения Бога и сотворения мира, ужасает и одновременно прельщает человека как метафизическая тайна: его тянет заглянуть за ее пределы, чтобы реализовать тающиеся в ней возможности свободы. Он обречен вкусить все ее соблазны и тяготы. В этом состоит его ответственность перед самим собой, собственной совестью и Богом. Человек - дитя предвечной свободы, без которой он не был бы богоподобным, т.е. способным к творчеству.

Первым результатом испытания свободой стало выпадение человека из царства Духа в объективированный, "падший" мир - в "царство кесаря". "Объективация" - одна из центральных категорий метафизики Бердяева. Она не имеет ничего общего с гносеологической антитезой объективного и субъективного и по своему смыслу близка таким достаточно распространенным в философии понятиям, как "опредмечивание", "отчуждение" (экстериоризация субъекта). Это проблема экзистенциальная.

В результате объективации происходит раздвоение мира на феноменальный и ноуменальный. Ноуменальный мир сокрыт, но он может раскрыться человеку в его духовном опыте, в творчестве. Ибо объективированный, пространственно-временной мир есть подобие духовного мира. "Мир объективации есть падший, мир заколдованный, мир явлений, а не сущностей, а не существующих существ. Объективация есть отчуждение и разобщение. Объективация есть возникновение "общества" и "общего" вместо "общения" и "общности", "царство кесаря" вместо "царства Божьего" [6]. Она означает выбрасывание человека вовне, его подчинение условиям пространства, времени, причинности, рациональности. Закрепленная сознанием привычка жить в этом падшем мире ведет к признанию его первичным, действительным миром. Но на экзистенциальном уровне человек по-прежнему находится в общении с духовным миром и космосом, обретая именно "иной" мир как подлинный. Объективированный мир, природный и социальный, есть мир необходимости и рабства, вражды и господства; духовный мир есть мир свободы и творчества, мир любви и сострадания.

В объективированном мире господствуют отчуждение, поглощенность неповторимо-индивидуальным общим, безлично-универсальным, это царство подавленной и ограниченной свободы, детерминации извне, социализации, угнетающей личное начало в человеке. Существование человека в этом мире носит трагический характер: с одной стороны, он выброшен в объективированный "падший" мир и связан с ним узами естественной необходимости; с другой стороны, он беспрестанно осознает свою "инаковость" - принадлежность к иному, причастность к тайнам космического процесса. Эта раздвоенность порождает острое чувство одиночества, страха перед существующим и тоски по иным мирам, отблески которых прорываются в его снах и творческих интуициях. Проблема одиночества представляется Бердяеву основной философской проблемой, средоточием проблем "Я", личности, эроса, общения, познания, в предельной постановке - смерти индивида и бессмертия личности.

Человеческая способность *познания и творчества* - это проявление в условиях объективированного мира изначальной божественности человека, канал связи двух миров. Творчество есть прорыв из небытия в бытие. Расколотость мира ставит проблему познания его человеком как по "сю", так и по "ту" его сторону. То, что называют познанием мира, есть лишь познание его "инаковости". Но и на уровне объективного познания, по мысли Бердяева, возможно постижение тайны бытия: во-первых, оно есть познание того мира, в котором мы живем; во-вторых, объективное познание способно к прорывам в трансцендентную сферу; в-третьих, познание способно пролить свет на сам процесс объективации. Познание открывает смысл за бессмыслицей бытия, порядок за беспорядком, космос за хаосом. Тем самым оно делает возможным подчинение "падшего" мира человеку.

Другой путь ориентации субъекта в мире есть путь экзистенциальной философии. На этом пути субъект-человек познает не объект, а *существование* человека и (через человека) мира и Бога. Источником знания в этом случае служит погружение в себя. постижение смысла мира происходит через самопознание. Здесь велика роль интуиции, которая, согласно Бердяеву, имеет активный творческий характер, потому что экзистенциальный субъект вносит в нее элемент свободы, недетерминированной никаким объектом или законом.

Итак, человеку доступны два способа преодолеть свою ограниченность, выйти за пределы самого себя. Первый открывается творчеством через трансцендирование и представляет собой прорыв в иные миры, на которые не распространяются законы посястороннего объективированного мира. Творчество всегда есть взлет на новый уровень бытия, и только оно позволяет человеку сохранить жизнь в свободе. Второй - это выход во внешний объективированный мир: в общество, в сферу общеобязательных норм, в царство кесаря. Этот выход стоит человеку свободы. Он антиперсоналистичен, поскольку вынуждает человека приспособляться к обыденщине, вырабатывает в нем "рабью психологию".

В этом контексте учение о человеке и свободе выступает как учение о личности. Личность осознает свое бытие в мире через "Я", уникальное, составляющее ее высший смысл. И мир отзываясь на это: "Когда личность вступает в мир, единственная и неповторимая личность, мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно" [1, с. 12].

Бердяев разводит понятия "индивидуум" и "личность": человек как индивидуум имеет природно-душевное основание и является всецело предметом естественных наук — биологии, психологии; личность же имеет духовное основание и является предметом философской антропологии. В каждом индивидууме потенциально заложена личность, но актуальной она становится в живом общении "Я" с "ты" в ареале "мы". Сознание "Я" каждый раз "упирается" в сознание другого "Я", которое выступает как "ты", и в сознание других, образующих "мы". Поэтому "Я" метафизически социально.

"Я" преодолевает свое одиночество познанием и искусством, любовью и дружбой, участием в социально-политической жизни, обращением к Богу и даже такими крайними формами самовыражения, как нарциссизм и самоубийство. Но все эти способы позволяют человеку уйти от одиночества лишь отчасти и на время. Ведь за "ты" скрывается "не-Я", а за "мы" — "оно", объективированное общество с его обезличенными принципами, законами, нормами поведения и повседневностью. Даже общение с Богом обретает отчужденный характер, когда Бог из интимного "ты" превращается в грозного и карающего "Он" (этим и объясняется, по Бердяеву, бунт личности против Бога и атеизм как его крайнее выражение). Отсюда двойственное отношение "Я" (личности) к миру: с одной стороны, переживание одиночества, своей чуждости этому миру, с другой — сознание связи с миром, вся история которого есть глубинный слой *моего* бытия, а все его превратности — *моя судьба*.

Таким образом, человеческая личность определяется не только отношением к Богу, но и отношением к обществу. Через отношение к человеческому "мы" личность призвана к общественной жизни. В "мы", по мнению Бердяева, есть *онтологическая первородность*: в некотором смысле Бог сотворил не только личность, но и общество, поскольку личность может проявить свою уникальность, независимость, духовную свободу, осуществить свое призвание только через "мы", т.е. в обществе. Но общество как результат объективации, как организация жизни масс, среднего человека не может не накладывать ограничений на творчество и свободу личности, и потому в общественной сфере человек абстрагируется от самого себя. Ведь общение "Я" с "ты" в ареале "мы" человечно в той мере, в какой оно сохраняет экзистенциальность. Общество же, достигнув крайней формы объективации в государстве, есть выпадение из экзистенциальной сферы "мы". Человек становится объектом социального, "падшего" мира. Бердяев, прошедший школу марксизма, прекрасно понимал, что человек, "выброшенный" в объективированный мир, зависит от него и может обрести свою свободу, лишь вступая с ним в контакт. И от характера этого контакта зависит, станет он жертвой объективации, ее сырым материалом, рабом, купившим комфортные условия своего существования ценой свободы, или, вступив на путь борьбы, сохранит свое человеческое достоинство, нередко рискуя самой жизнью. К сожалению, большинство людей предпочитают серединный путь. И Бердяев, со свойственной ему интеллигентской совестью, не осуждает их, как не осудил Христос подавшихся соблазну Великого Инквизитора.

Взаимоотношения личности и общества отнюдь не просты: личность ведет вековую тяжбу с обществом за сохранение своего "Я" и своей свободы; общество как воплощение обыденности давит личность, выступает по отношению к ней как антагонистическая и враждебная сила. Личность же, субъект по призванию, черпая оценки из собственного духовного опыта, с необходимостью сопротивляется давлению общества, ведет с ним постоянную борьбу за самоопределение изнутри. В этом, по мнению Бердяева, состоит главная антиномия личности и общества.

Суть проблемы связана, таким образом, с абсолютизацией власти общества над личностью, с превращением личности в часть общества, в средство для достижения

"общественных целей", тогда как "по природе вещей" общество есть "часть" личности, ее "социальный аспект". Ибо конечное назначение человека не социальное, а духовное, и сам он принадлежит не только времени, но и вечности. Этим не отрицается необходимость социального творчества. Напротив, личность призвана к нему Богом, оно есть один из путей в Царство Божие. Но на этом пути постоянно идет духовная борьба за личность. Личность под давлением общества даже может впасть в *идолатрию*, т.е. осознавать себя как принадлежащую исключительно социальному миру, превращая социальные *средства* духовной самореализации - государство, национальный суверенитет, классовые интересы - в цель. И тогда победу одерживает общество. Если же человеку в социальном творчестве удается следовать собственным духовным принципам и ценностным ориентациям, победу одерживает личность.

В иерархии ценностей ничто социальное не может быть самоценным, абсолютно лишь его духовная основа. Личность имеет бесспорный приоритет перед обществом. Человек по природе своей есть микрокосм, человеческая личность не может быть частью какого-то целого. Она сама есть целое, причем такое целое, которое в принципе не вписывается ни в какую иерархическую систему. В этом контексте естественно возникает вопрос об отношении личности к церкви как к социальному, т.е. объективированному, институту. Церковь, считает Бердяев, превращена в идола, что означает утрату в ее лоне возможности подлинного общения - соборности, которая не поддается объективации. Поэтому общение с Богом для Бердяева не тождественно церкви как социальному институту, ухитрившемуся перенести на отношения человека с Богом отношения раба и Господина.

Итак, личность существует на пересечении двух миров - это та аксиома Бердяева, исходя из которой он интерпретирует характер взаимоотношений социального и духовного, человеческого и божественного. Максимум свободы существует только в духовном опыте и только в нем человек остается творцом, т.е. личностью. Общество же как организация жизни среднего человека не может быть ничем иным, как *границей* человеческой свободы, границей духовной, т.е. свободной, реализации человека в качестве творца. Поэтому антиномия личности и общества не может быть окончательно преодолена в пределах тварного, природно-исторического мира. В этом мире трагический конфликт личности и общества разрешим лишь частично и относительно. Полное преодоление этого конфликта возможно только в Царстве Божьем.

Соответственно, проблема личности и общества, считает Бердяев, должна быть рассмотрена с двух точек зрения: философии общества и философии духа. В рамках первого подхода проблема в принципе нерешаема, поскольку изначально предполагает признание примата общества над личностью, следовательно, оправдание тирании по отношению к человеческому духу. В рамках этого подхода, считает Бердяев, невозможно утвердить приоритет личности, ибо всякая попытка ее защиты с точки зрения общественной необходимости неизбежно ведет к оправданию рабства. Оставаясь на позициях философии общества (как, например, Н. Михайловский, восставший против общества в защиту человека), невозможно добиться решения проблемы, поскольку борьба за личность, ориентированная на социальное освобождение человека, не учитывает духовный смысл человеческого существования.

Социальные свободы - это только *одно* из условий нормальной жизни, без которого созидательная энергия человека остается невостребованной. Социальные свободы открывают человеку только материальные (именно материальные!) возможности труда и творчества. Если человек лишен элементарных экономических и политических прав, считает Бердяев, он не может реализовать свое призвание, т.е. не может стать субъектом духовного творчества. Конечно, необходимо дать людям материальные возможности быть свободными. Но социальные права - это еще не все, что обеспечивает подлинную свободу. Ее сфера - Дух. Свобода полностью раскрывается в опыте духовной жизни.

Есть и еще момент, который, по мнению Бердяева, свидетельствует об ограниченности социальных свобод. В "падшем мире" свободу преследует рок самоограничения

во имя свободы же: она легко себя отрицает, прикрывая насилие, и переходит в свою противоположность. "Прикрывшиеся свободой" могут нести с собой рабство. Поэтому в социальной жизни нет адекватного выражения свободы. Любая форма социального мировоззрения - будь то либеральное, демократическое, теократическое, монархическое, социалистическое - оказывается тиранической по отношению к личности, человеческому духу.

Но "план, в котором общественники всех направлений определяют антиномию между личностью и обществом, есть план ограниченный",- утверждает Бердяев [7]. Решение проблемы взаимоотношения личности и общества *возможно* с позиций философии духа, с позиций христианского персонализма, исповедующего высший принцип - признание ценностей личности как духовного существа и духовного единения людей в любви и служении Богу. Правда, творческий акт религиозно-духовного общения встречает на своем пути немало "ловушек", уготованных объективацией. В книге "Опыт эсхатологической метафизики" Бердяев приходит к пессимистическому выводу: даже в моменты наивысшего духовного напряжения в процессе творчества человек роковым образом обречен на объективацию своих творений в "падшем" мире. Творчество утрачивает свой смысл, ибо его результаты, объективируясь, снова связывают человека с "падшим" миром. Где же выход? Этот вопрос не раз оказывался в центре критических исследований бердяевского персонализма. Предвидя его и связанные с ним замечания, Бердяев различает *объективацию* творчества в мире и *преображение мира* посредством культуры. Но эта идея осталась в его философии недостаточно разработанной.

Другая проблема, которая, как и проблема личности, определяет суть религиозной антропологии Бердяева, - отношение человека к истории. Человек есть существо не только социальное, но и историческое. История - это судьба человека, тот путь, которым он, выброшенный в тварный мир объективаций, вынужден идти. Он не может сбросить с себя бремя истории. А история равнодушна к человеку, поскольку преследует внечеловеческие цели (цивилизаций, государств, наций, классов) и при этом всегда "вдохновляется" идеями экспансии и силы. Между историей и человеком, путями истории и путями человеческими всегда существует глубочайший конфликт. Человек втягивается в историю, подчиняется ее року и одновременно сопротивляется ей, противопоставляя ценность индивидуальной человеческой судьбы. В пределах земной истории этот конфликт, по Бердяеву, неразрешим.

Но у истории кроме земного есть иной, *эсхатологический*, смысл, который просветляет и направляет ее земной путь. Этот смысл открывается в движении к Царству Божьему. В земную историю прорывается *метаистория*. Иными словами, история есть *богочеловеческий* процесс. Правда, не соглашаясь с Вл. Соловьевым, Бердяев видит в истории не только богочеловеческий процесс, но прежде всего неудачу Духа. Длиться она будет до тех пор, пока не наступит Царство Божье. Историческое время, образовавшееся между первым и вторым пришествиями Христа, может быть неопределенно длительным, но конец неизбежен. Этот конец, вопреки догматическому истолкованию Апокалипсиса как "страшного суда" над человеком, будет судом над историей. Исходя из персоналистических установок, Бердяев полагает, что это будет суд во имя человеческой личности и будет означать конец бесчеловечной истории. Предстоит своего рода *персоналистическая революция* во имя полноты жизни человека.

Итак, проблема отношения человека и истории разрешима только на почве эсхатологии, т.е. учения о сокровенном смысле истории, раскрывающемся не через прогресс, а через конец истории, в вечности. В этом, считает Бердяев, суть христианской антропологии, которая "должна быть построена не только в перспективе прошлого, т.е. в обращении к Христу Распятому, как было до сих пор, но и в перспективе будущего, т.е. в обращении к Христу Грядущему, Воскресшему в силе и славе. Но явление Христа Грядущего зависит от творческого дела человека, оно уготовляется человеком" [8].

Как видим, трагический характер бердяевского персонализма смягчается эсхатологией, учением о правомерности ожиданий лучшего, хотя и в другом мире, и о возможности содействовать его приближению, приближению к концу, за которым открывается новое мироздание - *новый эон*. Бог не безучастен к лому процессу, он направляет творческие силы человека к созиданию высших ценностей, концентрация которых способна прорвать жесткие законы "падшего мира" и послужить зародышем нового эона. Именно в этом смысле следует понимать эсхатологические построения Бердяева, облеченные в форму христианской символики. Можно, конечно, истолковать эту идею в плоском религиозном духе - ожидания конца света, воскресения мертвых и страшного суда. Некоторые тексты Бердяева дают тому основание. Однако эсхатологическое учение Бердяева значительно глубже. Можно даже сказать, что оно выходит на уровень современных синергетических идей, хотя, естественно, в ином лингвистически-символическом оформлении. Человек, согласно Бердяеву, не имеет в своем творчестве определенных целей; смысл творчества в прорыве в неведомое. Вселенная открыта для самых дерзких новаций. Но каков будет ее "ответ" на них, неведомо никому - ни человеку, ни мировому Разуму, ни Богу.

Проблема человека - обеспечение политических, социально-экономических, культурных условий достойного существования - это проблема *нашего* общества и времени, в котором мы *живем*. Антропологическая философия Бердяева, пронизанная страстной защитой человека и обоснованием его предназначения к свободе и творчеству, вносит свой вклад в современное осмысление этой проблемы. Бердяев не связывал свой новый эон ни с капитализмом, ни с коммунизмом. Свое учение о новом обществе он называл *христианским социализмом*, понимая под этим прежде всего гуманистическое требование приоритета личности перед обществом в качестве исходного принципа организации общественной жизни. Мы можем соглашаться или не соглашаться с его религиозным обоснованием неизбежности новой цивилизации, но, думается, следует прислушаться к предостережениям философа: "Безумие думать, что можно победить коммунизм в мире возвратом к капитализму" [9]. Но безумие, добавим мы, помня трагический опыт человечества, пережитый им в середине XX века, думать, что победить капитализм можно, уповая на коммунизм. Видимо, не стоит навязывать истории своих моделей. У нее есть право на "импровизацию", как говорил А. Герцен, и иногда стоит с большим уважением и вниманием прислушаться к ее голосу, полагаясь на ее собственный выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М., 1995. С. 11, 12.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 262.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 310.
4. Бердяев Н.А. Дух и реальность // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 371.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 33.
6. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 246.
7. Бердяев Н.А. Основная антиномия личности и общества // Современные записки. 1931. Кн. 47. С. 381.
8. Бердяев Н.А. Проблема человека // Путь. 1936. Кн. 50. С. 24.
9. Бердяев Н.А. Дневник философа // Путь. 1926. № 4. С. 182.